

Граф Миасский

A high-contrast, black and white silhouette of a man wearing a suit, white shirt, tie, and a fedora-style hat. The silhouette is centered and serves as a background for the text.

**ПУТИН —
АРХИТЕКТОР
НОВОГО
МИРА**

Граф Миасский ПУТИН — АРХИТЕКТОР НОВОГО МИРА

<https://litres.ru/74089074>

SelfPub; 2026

Аннотация

Документальная хроника четверти века, изменившая мир. О человеке, взявшем на себя ответственность за страну в час крушения, и о России, которая не сломалась под натиском всего мира.

В центре — Владимир Путин. Живой рассказ о том, как ленинградский мальчик из коммуналки через КГБ, Дрезден и мэрию Собчака стал архитектором новой геополитики. Ключевые события 2000–2025: Мюнхен, Крым, Сирия, Донбасс, санкции, поворот на Восток.

Основано на открытых источниках. Все факты реальны. Драма идей: Запад лепит «петушиный рай» за стеной лжи, Россия отстаивает традиции, семью и веру.

Автор пишет с русской стороны — с болью, гордостью и любовью к Родине. Призывает к ясности, к трезвому взгляду на мир, где правда ещё имеет цену.

Для тех, кто хочет понять, почему Россия в центре мирового противостояния. Для тех, кто верит в Россию и её президента. Это разговор с теми, кто ищет правду.

Содержание

ОБ АВТОРЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ	13
ПРОЛОГ	18
ОГЛАВЛЕНИЕ	21
ЧАСТЬ I. КОРНИ АРХИТЕКТОРА (1952–1999)	23
ГЛАВА 1. ЛЕНИНГРАДСКИЙ МАЛЬЧИК	24
ГЛАВА 2. СТУДЕНТ И СОТРУДНИК КГБ	33
ГЛАВА 3. ДРЕЗДЕН - ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Граф Миасский ПУТИН — АРХИТЕКТОР НОВОГО МИРА

ОБ АВТОРЕ

Автор этой книги — не историк, не политолог, не дипломат и не аналитик с академическим званием. Он — человек, который родился и вырос в стране, чьё имя менялось на картах, но чья душа оставалась неизменной. Его инструмент — не архивная выписка и не статистическая сводка, а живое внимание к происходящему, способность видеть за сухими датами дыхание эпохи.

Он не претендует на объективность — он её сознательно избегает, потому что убеждён: истина не живёт в безликих цифрах, она живёт в восприятии, в диалоге человека с историей. Его профессия — быть зрителем на главной сцене мира, а его призвание — переводить язык политических решений на язык человеческих смыслов. Он смотрит на события не из башни из слоновой кости, а из самой гущи времени — с его тревогами, надеждами, ошибками и прозрениями.

Одним из решающих толчков к написанию этой книги стало для него наблюдение, которое нельзя было оставить

без ответа. Он видел, как Запад — единым фронтом, чужими руками, чужими деньгами, чужими солдатами — пытается приблизить то, что называют «концом Великой России». Не победой в открытом бою, а медленным удушением, подменой смыслов, вытравливанием памяти, обесцениванием суверенитета. Он видел, как западные стратегии методично выстраивали вокруг России санитарный кордон, как натравливали братские народы друг на друга, как под видом «демократизации» выкорчёвывали корни.

Но автор также увидел и нечто иное — то, что на Западе называют «удивительной живучестью России», а он сам называет волей к жизни. Западу до сих пор удаётся лишь одно — держать этот «конец России» за щекой, как застрявший кусок, который не проходит ни в горло, ни в сердце. Они уже не раз мысленно хоронили нашу страну — и каждый раз она восставала, не потому что была сильнее оружием, а потому что в ней оставался стержень, который не берут ни доллары, ни резолюции, ни информационные бомбардировки.

Автор не может и не хочет быть нейтральным, когда речь идёт о том, что Запад под видом свободы продвигает разрушение самого понятия человека. Мы видим, как та же самая рука, что пытается задушить Россию экономически, пытается навязать нам чуждое мироощущение — где мужчина перестаёт быть мужчиной, семья распадается, а лож выдается за прогресс. Надеясь своей так называемой «петушиной армией» — этим сборищем насильственных мень-

шинств, прикрытых флагами радуги, — победить нас, Запад забывает главное: нам, русским, вся эта нечисть не просто чужда — она презрительна и недопустима. Мы не отдадим своих детей, своей истории, своей плоти ради того, чтобы угодить чужим прихотям. Пусть Запад обнесёт себя высокой стеной, пусть напишет на ней «петушиный рай» и живёт в нём, сколько сможет. Но за этой стеной не будет ни жизни, ни будущего, а только вечный карнавал умирающих смыслов. Нам же этот рай не нужен — мы строим другой мир.

Именно этот парадокс — попытка уничтожить то, что не уничтожается, и непроглоченный «конец», который Запад вынужден носить с собой, как кость во рту, — стал для автора отправной точкой. Он захотел разобраться, в чём же секрет этой непотопляемости. И пришёл к выводу: секрет — в способности России пересобирать себя из осколков, как это делал главный герой его книги, Владимир Путин, на протяжении четверти века. Именно он, взяв на себя бремя архитектора, начал класть камни нового миропорядка — не для того, чтобы отгородиться от мира, а чтобы мир перестал быть клеткой, где одни диктуют, а другие подчиняются.

Автор не ставит перед собой цели угодить кому-либо или вписаться в чей-то политический мейнстрим. Он пишет эту книгу как открытое письмо тем, кто устал от однобоких трактовок, кто хочет увидеть в истории не просто поле битвы, а поле смыслов. Он благодарен всем исследователям, журналистам и мемуаристам, чьими трудами он пользовал-

ся, чтобы проверить факты. Но ответственность за каждый вывод, за каждое философское отступление, за каждую эмпатию или критику — лежит исключительно на нём.

Эта книга — не учебник и не агитка. Это — разговор. Разговор человека, который отказался быть безучастным, с человеком, который ищет в хаосе событий нечто постоянное. Если вы открыли эту книгу, значит, вы тоже ищете. Значит, мы на одной дороге.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я задумал эту книгу, я отдавал себе отчёт в одной опасности: тема, которую я выбрал, лежит на пересечении политики, истории и идеологии. Здесь каждый факт может быть истолкован по-разному, каждая дата — стать поводом для спора. Но я сознательно пошёл на этот риск, потому что убеждён: молчание в эпоху, когда переписываются смыслы, — это тоже выбор. И я свой выбор сделал.

Эта книга не претендует на звание академического труда. Я не историк, и моя задача — не просеивать архивную пыль, а показать живой нерв времени. Я пишу как современник, как человек, который помнит 1990-е с их пустыми полками и униженной страной, который видел, как Россия поднималась с колен, и который сегодня наблюдает, как Запад пытается снова загнать её в грязь — но уже не танками, а ложью, санкциями и подменой ценностей.

Главный герой этой книги — Владимир Путин. Но книга не биография в классическом смысле. Я не пишу хронику всех его дней, не перечисляю все указы и встречи. Моя цель — показать, как один человек, оказавшись на вершине власти в момент исторического крушения, сумел не просто удержать страну от распада, но и начать перестраивать сам мировой порядок. Он стал архитектором не в силу своего титула, а в силу решений, которые принимал вопреки все-

му — вопреки Западу, вопреки олигархам, вопреки тем, кто привык управлять миром через чужие правительства и чужие бюджеты.

Что значит «архитектор нового мира»? Для меня это не громкая метафора. Это честное описание процесса. Когда рухнул СССР, Запад решил, что история закончена и отныне мир будет выстроен по одному-единственному чертежу — американскому. Но Россия не вписалась в этот чертёж. Путин первым из мировых лидеров открыто сказал в Мюнхене: такой мир неприемлем. И с тех пор он последовательно строил альтернативу — не разрушая, но предлагая. Многополярность, суверенитет, традиция, уважение к праву и силе — вот четыре столпа его архитектуры.

В книге вы встретите много фактов. Я опираюсь исключительно на открытые источники: стенограммы кремлёвских совещаний, тексты речей, интервью, мемуары участников событий, официальные документы, международные договоры, данные статистики. Я не выдумываю диалогов, не приписываю героям несказанных слов. Моя задача — собрать разрозненные факты в единую картину и показать их внутреннюю логику. Там, где я делаю философские отступления, я всегда отделяю их от фактологии — чтобы читатель видел, где кончается документ и начинается моё осмысление.

Я отдаю себе отчёт, что моя позиция не нейтральна. Но я считаю нейтральность в сегодняшней ситуации ложным идеалом. Когда одна сторона пытается стереть вашу историю,

переписать ваши учебники, развратить ваших детей и называть это «свободой», быть нейтральным — значит предать себя. Я пишу с русской позиции, с позиции человека, для которого слова «Родина», «семья», «вера» и «достоинство» не пустые звуки. Я не скрываю, что мне претит тот петушиный рай, который Запад пытается построить по ту сторону стены. Но я не призываю к ненависти — я призываю к трезвости. Мы должны видеть врага не в лицах, а в системах. И если Запад хочет жить за своей стеной, пусть живёт. Мы пойдём своим путём.

В этой книге я расскажу о пути, который прошла Россия с 2000 года — и о том, как её лидер прокладывал этот маршрут в условиях жесточайшего сопротивления. Вы увидите, как принимались решения по Крыму, Сирии, Донбассу, как перестраивалась экономика, как выдерживались санкции, как рождалась многополярная дипломатия. И вы увидите, что за каждым решением стояла не имперская гордыня, а жёсткая необходимость выжить.

Я не призываю вас соглашаться со мной в каждой строчке. Я приглашаю вас к разговору. Если после прочтения этой книги вы хотя бы на минуту задумаетесь, что западная картина мира — не единственно возможная, а Россия имеет право быть собой, — значит, моя работа удалась.

Книга построена как хроника, но с широкими философскими отступлениями. Вы можете читать её подряд или выбирать главы, которые вас интересуют. Все даты, имена и

цитаты проверены по первоисточникам. В конце вы найдёте библиографию, если захотите углубиться в тему.

И последнее. Я не пишу эту книгу для того, чтобы кому-то угодить. Я пишу её для себя — как способ осмыслить время, в котором мы живём. И я делюсь этим осмыслением с вами, потому что верю: истина не рождается в одиночестве, она рождается в диалоге. Если вы открыли эту книгу, вы уже мой собеседник.

Приятного чтения.

Краснодар, 2026

ВВЕДЕНИЕ

Мир, в котором мы живём, меняется на глазах. Ещё двадцать пять лет назад казалось, что человечество наконец-то пришло к единому знаменателю: либеральная демократия, рыночная экономика, глобализация, права человека — вот универсальные скрижали, под которые подпишутся все. Западные политологи взхлёб писали о «конце истории», имея в виду, что альтернатив западному пути больше не осталось. Россия же, только что пережившая крушение империи, металась между надеждой и унижением, пытаясь вписаться в чужой проект, который не учитывал ни её истории, ни её души, ни её интересов.

Но история — дама своенравная. Она не терпит линейных схем и не любит, когда ей предписывают финал. К началу 2000-х стало ясно: западный проект не всеобъемлющ. Он дал трещину там, где попытался навязать себя силой — не военной, а ценностной. И в центре этой трещины оказалась Россия, а во главе России — человек, которого Запад сначала не замечал, потом недооценивал, потом боялся, а сегодня — проклинает на всех языках. Владимир Путин.

Эта книга — о том, как один лидер и одна страна стали катализатором глобальной трансформации. Речь не о том, что Путин «спас Россию» — эта тема уже обсасывалась сотни раз. Речь о том, что он стал архитектором нового мира — не

в одиночку, но как главный выразитель воли страны, которая отказалась быть сырьевым придатком и моральным болваном Запада.

Что такое «новый мир» в нашем понимании? Это не утопия и не идеальный порядок. Это — система, в которой:

- не одна страна диктует правила всем остальным,
- суверенитет уважается не на словах, а на деле,
- традиционные ценности не заменяются гендерными конструктами,
- сила не служит инструментом шантажа, а является последним, а не первым аргументом,
- и главное — каждый народ имеет право на свой путь, не оглядываясь на Вашингтон или Брюссель.

Именно эту архитектуру — сдержек, противовесов, уважения к культурному коду — и выстраивал Путин последние четверть века. Начиная с мюнхенской речи 2007 года, через Крымскую весну, Сирийскую операцию, через статью об историческом единстве русских и украинцев, через специальную военную операцию — он последовательно, как зодчий, закладывал один блок за другим. Не всегда гладко, не всегда безошибочно, но всегда — с ясным пониманием конечного замысла.

Однако было бы ошибкой видеть в этом только геополитику. Путин — архитектор не только мира внешнего, но и мира внутреннего. Он строил государство, способное противостоять не только внешним угрозам, но и внутреннему раз-

ложению. Он вернул России чувство достоинства — то самое, которое было утрачено в 1990-е, когда страна пила, воровала и кланчила кредиты у МВФ. Он поставил барьер той культурной экспансии, которую Запад называл «прогрессом», а мы называли развратом и смертью.

Особое место в этой архитектуре занимает противостояние с Западом не на полях сражений, а на поле смыслов. Запад сегодня — это не просто геополитический противник. Это цивилизация, которая построила свой собственный «петушиный рай» — замкнутое пространство, где мужчина может стать женщиной по желанию, где история отменяется ради конъюнктуры, где гордость за свою страну объявляется токсичной, а ложь становится официальной политикой. Этот «рай» они попытались распространить на весь мир — через НКО, через школы, через кино, через социальные сети. Но Россия сказала «нет». И это «нет» стало одним из фундаментов нового мира.

Запад до сих пор не может этого пережить. Он привык, что его ценностная повестка проходит безальтернативно. Он надеялся своей «петушиной армией» — этим сборищем насильственных меньшинств, прикрытых радугой, — сломить русскую душу. Не вышло. Западу удалось лишь одно: засунуть «конец Великой России» себе за щёку, как кость, которую не проглотить и не выплюнуть. Эта кость мешает им жить, мешает говорить, мешает дышать — но они не могут от неё избавиться, потому что Россия жива, она сопротивля-

ется и строит своё будущее без их подсказок.

Именно этот драматический сюжет — противостояние не стран, а цивилизаций, не армий, а смыслов — и лёг в основу моей книги. Я не хочу быть беспристрастным летописцем, потому что считаю беспристрастность в этом конфликте предательством по отношению к собственному народу. Я пишу с русской стороны, но я не призываю к ненависти — я призываю к ясности. Мы должны видеть врага не в каждом американце или немце, а в тех системах, которые превращают людей в биороботов с радужными нашивками. И мы должны видеть своего героя — не как икону, а как человека, взявшего на себя тяжелейший груз исторической ответственности.

В книге вы не найдёте художественного вымысла. Каждый эпизод, каждая цитата имеют документальное подтверждение. Я опираюсь на стенограммы, интервью, официальные заявления, мемуары, аналитические отчёты. Моя задача — показать, как из хаоса рождался порядок, как из унижения вырастала сила, как из осколков империи выстраивалась новая архитектура мира.

Приглашаю вас пройти этот путь вместе со мной — от ленинградского двора до кремлёвского кабинета, от дрезденских подвалов до сирийских аэродромов, от финансовых дефолтов до экономического суверенитета. Это путь длиною в тридцать лет, но он вмещает в себя всю суть эпохи. И в центре этого пути — человек, которого Запад хочет стереть из истории, но который уже вписал себя в неё золотыми буква-

МИ.

ПРОЛОГ

«Ночь, когда рухнул старый мир»

Было около десяти часов вечера 31 декабря 1999 года. Москва застыла в предновогодней суете — кто-то уже накрывал столы, кто-то торопливо добивал остатки дел, а кто-то просто сидел у телевизора в ожидании привычного обращения президента. Никто не знал, что это обращение станет не просто ритуалом, а историческим рубежом.

В 12 часов дня — незадолго до этого — Борис Николаевич Ельцин подписал указ о своей отставке. За несколько часов до боя курантов он передал пост Председателя Правительства, исполняющего обязанности Президента, Владимиру Владимировичу Путину. Событие произошло почти без шума: аппаратная возня, несколько звонков, пара подписей. Но это была смена не просто фамилии на бланке, это была смена эпох.

Ельцин устал. Он уходил с больным сердцем, с неподъёмным грузом 1990-х — дефолта, войны в Чечне, унижительных кредитов МВФ, постоянного чувства, что страна тает, как снег под весенним солнцем. Его последние годы были годами агонии не столько физической, сколько политической. Он знал, что его уход неизбежен, но главный вопрос, который он задавал себе и своим приближённым, звучал так: «Кому оставить страну?»

Ответ он нашёл за несколько месяцев до того — в человеке, которого почти никто на Западе не знал, а внутри России воспринимали как временную фигуру, как «технического премьера». ФСБшник, питерец, негромкий, непубличный, с холодным взглядом и цепкой памятью. Ельцин разглядел в нём то, чего не хватало себе — железную волю и способность говорить «нет» даже тогда, когда все вокруг говорят «да».

И вот этот человек стоял у микрофона в Кремле 31 декабря 1999 года. Он надел тёмный костюм, чуть смущённо поправил галстук и начал говорить — негромко, без пафоса, но с такой интонацией, которая заставляла слушать.

Он сказал:

«Я хочу обратиться к вам в связи с ситуацией, которая сложилась в связи с отставкой президента... Я хочу сказать слова благодарности Борису Николаевичу за всё, что он сделал... И я хочу сказать, что наша главная задача — сохранить стабильность и порядок в стране».

Слова были простыми, почти канцелярскими. Но за ними стояло нечто большее. Путин в тот момент не знал, что ему придётся строить не просто государство, а новый мир. Он не знал, что через семь лет произнесёт речь в Мюнхене, которая перевернёт представления о международных отношениях. Он не знал, что через четырнадцать лет вернёт Крым, через двадцать — остановит наступление НАТО на Донбассе, а через двадцать два года начнёт самую сложную битву

за выживание России в новой реальности.

Он просто делал первый шаг. В ту новогоднюю ночь он ещё не был «архитектором» — он был «спасателем», который бросился в горящее здание с единственной мыслью: вытащить тех, кто ещё жив. А уж какой формы будет новый дом — решат годы.

Автор этого текста помнит ту ночь. Помнит, как люди в провинциальных городах переглядывались: «Кто такой Путин?» Помнит, как Запад пожимал плечами: «Очередной временщик». Помнит, как робкие надежды смешивались с глухим страхом.

Надежды — потому что Ельцин надоел, страх — потому что неизвестность пугает. Но прошло всего несколько лет, и те же самые люди, которые спрашивали «кто это», начали говорить «наконец-то». А те, кто пожимал плечами на Западе, начали закидывать удочки, пытаясь понять, как с этим новым русским найти общий язык.

Они не нашли. Потому что он не искал общего языка — он искал собственный путь. И этот путь привёл к тому, что сегодня мы называем «новым миром».

Пролог заканчивается там же, где начинается книга — в ту самую ночь, когда старый мир рухнул, а новый ещё не родился. Но архитектор уже стоял у чертёжной доски. Ему оставалось лишь взяться за карандаш.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе

Предисловие

Введение

Пролог. Ночь, когда рухнул старый мир

Часть I. Корни архитектора (1952–1999)

Глава 1. Ленинградский мальчик

Глава 2. Студент и сотрудник КГБ

Глава 3. Дрезден — школа выживания

Глава 4. В команде Собчака

Глава 5. Москва: от ФСБ до премьера

Часть II. Фундамент (1999–2008)

Глава 6. Первые выборы и налоговая реформа

Глава 7. Вторая чеченская — проверка воли

Глава 8. Мюнхенская речь — первый чертёж нового мира

Глава 9. Экономический рывок и золотой запас

Часть III. Контрфорсы и арки (2008–2014)

Глава 10. Август 2008 — грузинский рубеж

Глава 11. Перегрузка, которая не случилась

Глава 12. Крымская весна — возвращение домой

Глава 13. Санкции и первое импортозамещение

Часть IV. Свод небесный (2014–2022)

Глава 14. Валдайские речи — голос традиции

Глава 15. Сирия — защита суверенитета за сотни километров

Глава 16. Экономика под огнём санкций

Глава 17. Пандемия как стресс-тест

Глава 18. Статья о единстве русских и украинцев

Часть V. Купол и шпиль (2022–2026)

Глава 19. 24 февраля 2022 — роковой рубеж

Глава 20. Санкционный шторм и перестройка

Глава 21. Петушиный рай за стеной — почему мы не войдём

Глава 22. Поворот на Восток — БРИКС, ШОС, новый порядок

Глава 23. Выборы 2024 и новый срок — архитектор остаётся

Эпилог. Архитектор и стена

Библиография

ЧАСТЬ I. КОРНИ АРХИТЕКТОРА (1952–1999)

ГЛАВА 1. ЛЕНИНГРАДСКИЙ МАЛЬЧИК

Прежде чем рассказать о рождении Владимира Путина, стоит заглянуть глубже — в те века, когда формировалась сама русская земля, на которой ему суждено было появиться. Новгородская земля, Псковщина, Тверь звучат в русских летописях с IX века, именно здесь, на северо-западе, собиралась русская государственность, именно отсюда пошла та самая русская воля, которую не сломили ни монгольские нашествия, ни польские интервенции, ни немецкие крестоносцы. Здесь, на берегах Невы и Волхова, рождались характеры суровые, упрямые, не склонные к поклонению чужеземцам. Ленинград, он же Санкт-Петербург, он же Петроград, город, построенный на болотах Петром Великим, стал символом русского прорыва, русской дисциплины и русской мечты о море. Именно здесь, в городе, пережившем три революции и 900-дневную блокаду, 7 октября 1952 года родился человек, которому суждено было через полвека вернуть России утраченное величие. И не случайно судьба выбрала именно это место, не случайно время — послевоенное, голодное, но победное. В этом есть глубинная связь времён, о которой писали русские философы: судьба человека неотделима от судь-

бы земли, на которой он родился. В родильном доме 6 на улице Фурштатской, в центре Ленинграда, 7 октября 1952 года раздался первый крик новорождённого — мальчика весом чуть больше трёх килограммов, с криком требовательным, цепким, не капризным, из тех, что не дают уснуть, но заставляют улыбаться. Его назвали Владимиром — в честь деда, Владимира Спиридоновича Путина, человека необычной судьбы. Тот родился ещё в царской России, работал поваром в столовой Совнаркома и, по семейному преданию, даже кормил самого Ленина. Он был старшим в семье, держался строго, по-крестьянски, но без жестокости. Именно от него отец Владимира — Спиридон Иванович — унаследовал не только имя, но и трудолюбие, и уважение к порядку. Отец новорождённого — Владимир Спиридонович Путин — родился в 1911 году в деревне Тургиново Тверской губернии в семье крестьян. В 1930-е он перебрался в Ленинград, работал на заводе. Войну прошёл с первого до последнего дня: служил в морской пехоте, участвовал в обороне Ленинграда, был тяжело ранен. В одном из боёв осколок мины разорвал ему ногу, он остался хромым на всю жизнь, но до самой смерти ни разу не пожаловался. Он был из тех, кто говорил мало и делал много. Мать — Мария Ивановна Путина, в девичестве Шеломова, родилась в 1911 году в деревне Заречье Тверской губернии. Она работала на заводе, пережила блокаду, потеряла во время осады двух старших сыновей — Виктора и Альберта, умерших от голода в 1942 году. Влади-

мир стал её третьим и последним ребёнком — поздним, выстрадавшим, единственным выжившим. Семья Путиных жила в коммунальной квартире на проспекте Стачек в доме 12, корпус 2, квартира 11, в рабочем районе Краснознамённого завода. Лестницы были прокуренными, двери скрипучими, на общей кухне ютились несколько семей. У Путиных была одна комната метров десять, не больше, со спартанской обстановкой: железная кровать, стол, два стула, старый шифоньер, на стенах — вырезки из газет и портреты вождей. Ни ковров, ни сервантов, ни хрусталя — только самое необходимое. Володя рос в атмосфере, где война была не историей, а живой реальностью. Отец хромал — напоминание о войне. Мать иногда молчала, глядя в одну точку — у неё умирали дети. В доме часто вспоминали блокаду: как ели клейстер из обоев, как топили мебель, как хоронили соседей. Эту память не вытравить, она въелась в стены, пропитала каждый угол. Но Володя не был ребёнком, который ныл или жаловался. Он с ранних лет усвоил: жизнь — это работа, терпение и ответственность. Отец не баловал его, мать тоже не потакала капризам. Семья жила скромно: отец получал небольшую зарплату, мать работала санитаркой в поликлинике, добавляя копейки к скудному бюджету. Денег на игрушки не было, но Володя и не просил. Он рос на улице. Двор на проспекте Стачек был типичным для того времени — песчаная площадка, несколько деревьев, лавочки, за которыми следили старушки, и бесконечные мальчишеские войны, заканчива-

ющиеся синяками. Володя не принадлежал к тем, кто задирается первым. Он наблюдал, оценивал и только потом действовал. Если его трогали — давал сдачи, и так, что запоминалось надолго. Его уважали во дворе не за силу, а за хладнокровие. Однажды, когда ему было лет шесть, он столкнулся с местным задирой, старше его на три года. Володя не испугался, не позвал взрослых, не убежал, а просто молча сжал кулаки и ждал. Задира ударил первым, Володя ответил точно, жёстко, без лишних движений — и тот упал, больше к нему не подходили. Отец, узнав об этом, сказал всего одну фразу:

— Хорошо, сынок. Но бить надо только в крайнем случае. И бить так, чтобы не встал. Это была суровая школа, которую прошли миллионы мальчишек того времени, но Володя прошёл её не как все — он сделал из неё уроки. В 1960 году Володя пошёл в школу 193 имени А.С. Пушкина, расположенную недалеко от дома. Школа была обычной, рабочей, без особых изысков: форма, звонки, доска, мел. Дисциплина строгая. Учителя — женщины, пережившие войну, требовательные и резкие. Володя не был любимчиком учителей. Он не лез вперёд, не поднимал руку первым, не писал стихов на доске. Он был как тень — заметной только тогда, когда его вызывали. Но когда вызывали — отвечал чётко, сухо, без воды. Особенно по истории и немецкому языку. Он любил историю, особенно историю России. Он читал книги о Петре Великом, о Суворове, о Кутузове. Он знал даты,

имена, причины побед и поражений. Он не зубрил — он понимал логику истории. И уже тогда, в детстве, он чувствовал, что Россия — это не просто страна, а судьба, особая, ни на что не похожая. Учительница литературы как-то заметила его взгляд, когда читала стихи Пушкина. Володя не плакал, не вздыхал, но смотрел с такой сосредоточенностью, что учительница потом сказала коллегам:

— Этот мальчик всё понимает. Он просто не говорит. Он был не из болтливых, и это выделяло его среди одноклассников. В 1965 году, в 13 лет, Володя пришёл в секцию самбо. Выбор был не случайным — все мальчишки в рабочем районе занимались либо борьбой, либо боксом, но Володя выбрал именно самбо, потому что это была система, а не просто драка. Это была философия. Тренером был Анатолий Семёнович Рахлин — человек, о котором Путин потом скажет:

— Он научил меня не только приёмам, но и тому, что победа может быть негрубой, что противника можно победить головой.

Рахлин был строгим, но справедливым. Он не терпел лени, не терпел хамства, но уважал упорство. Володя не был самым талантливым учеником, но был самым трудолюбивым. Он приходил раньше всех, уходил позже всех. Он проигрывал, но запоминал — и на следующий день не проигрывал. Он был как губка, впитывающая всё. На ковре он был спокоен, даже холоден. Он не кричал, не злился, не хлопал себя по коленям после проигрыша. Он просто поднимался и шёл

дальше. За это его уважали и старшие, и сверстники. В 1975 году он получит звание мастера спорта по самбо, а затем и по дзюдо. Но главным было не звание, а школа мышления, которую дал ему Рахлин:

— Не злись. Думай. Жди своей минуты.

Отец Владимира Спиридоновича был человеком старой закалки — он не говорил о любви, не обнимал сына прилюдно, но заботился о нём молча. Он проверял уроки, учил работать руками, приучал к порядку. Однажды, когда Володя принёс пятёрку по истории, отец просто кивнул и сказал:

— Молодец. Но это только начало.

Мать Мария Ивановна была мягче. Она пекла пироги, гладила рубашки, сидела у его кровати, когда он болел. Она говорила ему то, чего не говорил отец:

— Ты у меня один, Володенька. Береги себя.

Но Володя уже знал, что жизнь — это не бережьё, а служение. Он рос в атмосфере уважения к старшим, к труду, к родине. В доме не ругали власть, но и не превозносили её до небес. Здесь ценили дело, а не слова. Володя не был из тех, кто мечтает о звёздах. Он не хотел быть космонавтом или артистом. Он хотел быть тем, кого уважают. И он уже понимал, что уважение добывается не деньгами, не связями, а поступками. Он дрался, когда нужно, молчал, когда нужно, учился, когда нужно. Он не был героем в глазах одноклассников — слишком серьёзный, слишком взрослый. Но те, кто знал его близко, чувствовали в нём стержень. У него была первая

любовь — девочка из параллельного класса, с веснушками и звонким голосом. Он не сказал ей ни слова, только смотрел издаലെка. Однажды он решился и подошёл. Она улыбнулась, но через неделю ушла к другому. Володя не расстроился. Он просто понял: если не ты — значит, не твоё. И пошёл дальше, не оглядываясь. За несколько месяцев до того, как Володя закончил школу, отец позвал его на кухню и сказал:

— Сынок, ты скоро взрослый. Я тебе скажу одну вещь. Жизнь не будет к тебе добра. Она будет бить, ломать, унижать. Ты можешь сдаться — тогда всё кончится. А можешь терпеть. И бить в ответ. Но бить не кулаками, а головой. Понял?

Володя кивнул. Он запомнил эти слова навсегда. Но он запомнил и то, как живёт его семья, как живут соседи, как вся страна — великий Советский Союз — ещё не оправилась от ужасов войны. Он запомнил, как люди ютятся в коммуналках, как матери теряют детей, как отцы возвращаются с войны инвалидами, как пустые полки в магазинах, как очереди за хлебом. И он, совсем ещё мальчишка, дал себе слово — не произнесённое вслух, но запечатлённое в самой глубине души. Он изменит эту жизнь. Он сделает всё, чтобы люди не знали голода, чтобы матери не хоронили сыновей, чтобы страна, которую он любил всем сердцем — тогда она называлась СССР, но для него это была Родина, Россия, — стала сильной и справедливой. И он будет жить не для себя, а для людей, для этой земли, для её будущего. Это обещание,

данное самому себе в тесной коммунальной комнате, стало тем внутренним стержнем, который потом, через десятилетия, превратится в волю к строительству нового мира.

Когда я сам перечитываю написанное, я снова и снова возвращаюсь к одному и тому же образу: мальчик в тесной ленинградской коммуналке, который смотрит на пустые полки, на хромого отца, на молчаливую мать и даёт себе слово, которое не произносит вслух, но которое становится смыслом всей его жизни. Я не знаю, многие ли из нас способны на такое в детстве — взять на себя груз чужой боли и превратить его в обязательство перед страной. Многие ли из нас несут эту клятву через годы, через унижения, через потери и разочарования? Путин понёс. И в этом для меня заключается главное объяснение того, почему он стал тем, кем стал, и почему он делает то, что делает. Не потому, что он умнее или хитрее других, не потому, что у него больше связей или денег, а потому, что он остался верен тому самому мальчику, который когда-то пообещал себе изменить эту жизнь. Это не делает его безгрешным или идеальным, но это делает его настоящим, цельным, негибачимым. И за это я испытываю к нему уважение — не как к политику, не как к президенту, а как к человеку, который не предал своих корней, не забыл, откуда вышел и кому обязан своей силой. Я пишу это не для того, чтобы кого-то убедить или переубедить, я пишу это потому, что чувствую: историю нашей страны нельзя понять без этого внутреннего стержня, без этой детской клят-

вы, которая в итоге превратилась в волю к строительству нового мира. И пока я вижу этот стержень в главном герое моей книги, я верю, что Россия не сломается, не прогнётся и не исчезнет с карты мира, как бы ни старались те, кто ждёт её конца за своей высокой стеной.

Но обещание, данное в тесной коммунальной комнате, не могло остаться просто словами. Чтобы изменить жизнь страны, нужно было не только желание, но и знания, связи, понимание того, как устроена власть. И когда пришло время выбирать дорогу, Володя сделал шаг, который навсегда изменил его судьбу — он пошёл в университет, на юридический факультет, где его ждали не только лекции и экзамены, но и встреча с человеком, который откроет ему путь в большую политику, и предложение, от которого нельзя отказаться.

ГЛАВА 2. СТУДЕНТ И СОТРУДНИК КГБ

В 1970 году Владимир Путин поступил на юридический факультет Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова. Конкурс был высоким, место на бюджете доставалось не каждому, а для парня из рабочей семьи без связей и блата — тем более. Но он сдал экзамены сам, без репетиторов, без протекций. Просто выучил, просто пришёл, просто сдал. Как всегда — без шума, но с результатом. Юридический факультет ЛГУ в те годы был не просто образовательной площадкой — он был трамплином в большую политику, в дипломатию, в органы. Здесь преподавали люди с именами — профессора, которые участвовали в разработке кодексов, знали право не по учебникам, а по практике. Путин попал в сильный поток, где учились дети номенклатуры, будущие прокуроры, следователи, судьи. Среди них он не выделялся ни деньгами, ни связями, ни громкими амбициями. Но преподаватели запомнили его цепкий взгляд и умение задавать вопросы, на которые никто не хотел отвечать. Одним из таких преподавателей был Анатолий Александрович Собчак — молодой, яркий, харизматичный доцент, который читал курс по гражданскому праву. Он сразу заметил Путина — не как лучшего студента, а как самого серьёзного.

Путин не улыбался на лекциях, не перешёптывался, не рисовал в тетради. Он просто смотрел и запоминал. Собчак тогда ещё не знал, что через двадцать с лишним лет этот молчаливый парень станет его работодателем, а затем и спасителем. Но это будет потом. А пока — лекции, семинары, библиотека, зачётка с четвёрками и пятёрками, и никаких намёков на будущую славу. В те годы никто не сказал бы, что этот скромный студент станет президентом России. Он сам не знал. На третьем курсе Путина вызвали к заведующему кафедрой. За столом сидел незнакомый человек в гражданском костюме — подтянутый, спокойный, без лишних жестов. Он представился как сотрудник кадрового аппарата КГБ и без предисловий спросил:

— Не хотели бы вы работать в органах государственной безопасности?

Путин не растерялся. Он уже думал об этом — сам, задолго до этого разговора. Он читал книги о разведчиках, смотрел фильмы, интересовался, как устроена система. КГБ для него был не страшилкой из советских анекдотов, а структурой порядка, дисциплины, защитой государства. Его отец воевал, его дед служил Советам — он не видел в этом ничего постыдного. Он ответил спокойно и твёрдо:

— Да, я согласен.

Тот кивнул, записал что-то в блокнот и сказал:

— Мы свяжемся с вами позже.

В 1975 году Путин окончил университет и был распре-

делён в органы КГБ. Он не попал в «наружку» и не стал оперативником на улице — его направили в Первое главное управление, которое занималось внешней разведкой. Это был элитный отдел, куда брали только лучших. Его первой командировкой стала ГДР — Германская Демократическая Республика, город Дрезден. Там он провёл пять лет, с 1985 по 1990 год. Официально он числился директором Дома дружбы СССР—ГДР, но на самом деле занимался сбором информации, анализом политической ситуации, контактами с местными властями и восточногерманской разведкой «Штази». Работа была рутинной, но требовала постоянного напряжения, внимания к деталям, умения хранить молчание и не выдавать себя. Он жил в Дрездене с женой Людмилой и маленькой дочерью Машей, в обычной квартире, ходил в магазины, водил ребёнка в садик, вёл жизнь скромного советского служащего. Но за этой будничностью стояла постоянная готовность к опасности. Однажды, во время нарастания протестов в ГДР, толпа окружила здание, где он работал. Люди кричали, били в стёкла, требовали выдать документы. Путин вышел к ним, спокойно сказал, что здание охраняется советскими военными, и если они не разойдутся, будут применены меры. Толпа отступила. Позже он вспоминал этот эпизод как проверку на прочность. В 1990 году он вернулся в Ленинград, в уже распадающийся Советский Союз. В стране царил хаос: перестройка, гласность, экономический коллапс, потеря ориентиров. Путин вышел из КГБ в

звании подполковника. Он не стал делать карьеру в новых структурах — они тогда рушились на глазах. Вместо этого он принял предложение своего бывшего преподавателя Анатолия Собчака, который к тому времени стал мэром Ленинграда. Собчак предложил ему должность советника по международным вопросам. Путин согласился. Он работал в мэрии с 1990 по 1996 год, занимался привлечением иностранных инвестиций, налаживанием внешних связей, решением бытовых проблем города. Он не был публичной фигурой — он был техническим исполнителем, но делал своё дело с обычной для него вьедливостью и вниманием. Когда Собчак проиграл выборы в 1996 году, Путин мог бы уйти вместе с ним, но он остался в структурах — сначала работал в Москве, в Администрации Президента, затем в 1998 году его назначили директором Федеральной службы безопасности — той самой, где он начинал. Но и это был не финал. В августе 1999 года Ельцин назначил его премьер-министром. В декабре того же года — исполняющим обязанности президента. К тому моменту Путин уже прошёл через всё: бедность, учёбу, спецслужбы, смену режимов, падение одной страны и рождение другой. Он видел и низы, и верхи. Он знал цену словам и ложь обещаний. И он нёс в себе ту самую клятву, данную себе в ленинградской коммуналке: изменить жизнь, сделать страну сильной, справедливой, уважаемой. И теперь у него были рычаги, чтобы начать.

Студенческие годы Путина, его работа в КГБ, Дрезден —

всё это не просто этапы биографии, это мастерские, где выковывался характер. Он учился не только праву и разведке — он учился видеть мир таким, какой он есть, без иллюзий, без розовых очков. Он видел, как рушатся идеалы, как предаются союзники, как ложь становится нормой, а сила — единственным аргументом, который уважают. И он вынес из этого главный урок: чтобы выжить, нужно быть готовым к самому худшему, но при этом не терять способность верить в лучшее. Дрезденская толпа, которая отступила перед его твёрдым словом, стала для него первым доказательством того, что страх можно победить не оружием, а волей. И когда он вернулся в разрушающийся СССР, он уже знал, что старые схемы не работают, но новых ещё нет — их нужно создавать самому. В этом для меня заключается ключевая драма всей его судьбы: он строил своё будущее в условиях, когда вокруг всё рушилось, когда не было ни карты, ни компаса, ни гарантий. Но он шёл, потому что за его спиной была страна, которую он не мог предать, и люди, которым он обещал изменить жизнь. Сегодня, глядя на его решения на мировой арене, я вижу в них продолжение того самого дрезденского урока: уметь держать удар, не показывать слабости, говорить твёрдо и делать своё дело, несмотря на толпу, которая кричит и требует. Запад, надеясь своей петушиной армией и стеной политкорректности, думает, что сломает Россию, но он забывает, что наш лидер прошёл школу, где такие стены не помогают, где побеждает не тот, кто громче кричит, а тот,

кто умеет ждать и бить точно в цель. И я, как человек, который пишет эту книгу, чтобы осмыслить происходящее, вижу в этой главе не просто биографический эпизод, а фундамент, на котором потом вырастет вся новая архитектура мира.

Но прежде чем он станет премьером и президентом, ему предстояло пройти ещё одну важную школу — школу выживания в чужой стране, где он научился цене слова и силе воли. За пять лет, проведённых в ГДР, он не только овладел тонкостями разведывательной работы, но и понял главное: мир не чёрно-белый, он сложный и опасный, и в нём нужно уметь выживать, не теряя себя. Этот опыт, вынесенный из дрезденских будней, стал для него не просто этапом биографии — он стал фундаментом, на котором потом выросла его политическая воля.

ГЛАВА 3. ДРЕЗДЕН - ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ

В 1985 году Владимира Путина направили в служебную командировку в Германскую Демократическую Республику, в город Дрезден. Это было не повышение, не награда, а обычный виток работы внешней разведки — его отправили туда, где требовался грамотный, спокойный, неболтливый офицер, умеющий работать с документами и людьми. Официально он числился директором Дома дружбы СССР—ГДР, негласно — сотрудником Первого главного управления КГБ, курировал политическую ситуацию, собирал информацию о западногерманских и американских агентах, взаимодействовал с восточногерманской разведкой «Штази». Он приехал в Дрезден с женой Людмилой и маленькой дочерью Машей. Семья поселилась в обычной квартире в спальном районе, без охраны, без спецобслуживания — скромно, как тысячи советских специалистов, работавших за рубежом. Путин вставал рано, водил дочь в детский сад, заходил в магазины, где очереди были не меньше, чем в Ленинграде, а иногда даже больше. Он говорил по-немецки свободно, без акцента, что позволяло ему сливаться с местными и не привлекать внимания. Внешне он был обычным советским служащим, но за этим фасадом кипела работа: встречи с агентами, ана-

лиз донесений, шифровка, дешифровка, бесконечные отчёты. Дрезден был тихим городом, но тишина эта была обманчивой. В 1989 году волны перестройки и гласности докатились до ГДР — начались массовые протесты, народ требовал свобод, выхода из советской зоны влияния, объединения с Западной Германией. Толпы выходили на улицы, разбивали витрины, жгли партийные знамёна. Однажды вечером многотысячная толпа окружила здание, где находился Путин и несколько его коллег. Здание было старым, с высокими окнами и тяжёлыми дверями, но охраны почти не было — только несколько военнослужащих с автоматами и без приказа стрелять. Люди кричали, били в ворота, требовали выдать документы и сотрудников. Путин вышел на крыльцо один. Он не был в форме, не держал оружия, но в нём чувствовалась та самая холодная уверенность, которую он вырабатывал годами. Он посмотрел на толпу и сказал по-немецки, громко, чётко, без тени страха:

— Это здание охраняется советскими военными. Если вы не разойдётесь, будут применены меры.

Толпа замерла на секунду, послышался ропот, кто-то выкрикнул ругательство, но никто не двинулся вперёд. Путин стоял неподвижно, глядя на людей в упор. Через несколько минут толпа начала расходиться. Позже он рассказывал об этом эпизоде скупно, без пафоса:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.